

УДК 94(479.2).084.3

Т. А. Булыгина, К. Р. Амбарцумян

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ЮЖНОГО КАВКАЗА В СОВЕТСКО-ПЕРСИДСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В 1917–1921 ГОДАХ¹

В данной статье авторы обращаются к такой актуальной проблеме как трансформация советско-персидских отношений. Привлекательный комплекс опубликованных и архивных источников позволил выявить основные этапы этого процесса, в течение которого Персия из сферы влияния превращалась в партнера. Важную роль в выстраивании взаимодействия играл Южный Кавказ. Отправной точкой исследования стал октябрьский переворот 1917 г., верхняя хронологическая рамка определена 1921 г., когда был заключен советско-иранский договор. В первой части статьи сделан обзор отношений РСФСР и Ирана в целом. Выявлено, что до 1920 г. политику персидского правительства, в том числе в отношении большевиков, определяли англичане. В этот период Южный Кавказ наряду с Персией оказались под полным контролем Великобритании.

Советизация Азербайджана определила начало нового этапа в развитии восточной политики РСФСР. В этот период среди большевистского руководства возобладала идея экспорта революции на Восток. Со-

ветский Азербайджан стал плацдармом для оказания влияния повстанческого движения Кучук-хана в Гиляне.

Подписание договора в 1921 г. явилось фактором усиления значимости Южного Кавказа. В первую очередь большую роль регион играл в налаживании товарообмена между Персией и РСФСР. На комплексе архивных документов авторам удалось реконструировать процесс налаживания экономических отношений. На конкретных исторических примерах показано как в процессе выстраивания советско-персидского взаимодействия Южный Кавказ все сильнее включался в сферу российского влияния. Кроме того, определено, что в изучаемый период регион сыграл интегрирующую роль. Данное обстоятельство особенно примечательно при обращении к более раннему историческому прошлому, когда в XIX в. Кавказ был ареной российско-иранского противостояния.

Ключевые слова: Южный Кавказ, революция 1917 г., Иран/Персия, РСФСР, советско-иранский договор 1921 г.

Т. А. Bulygina, K. R. Ambartsumyan

ON THE PLACE OF SOUTH CAUCASUS IN THE CONTEXT OF SOVIET – PERSIAN RELATIONS IN 1917–1921

The article studies the problem of evolution of Soviet – Persian relations. With the reference to a complex of published and archival sources, the authors reveal the main stage of development of these relations when Persia was changing its status from the sphere of influence into a partner. South Caucasus played an important role in the process. The starting point of the research is the October 1917 coup, the upper chronological frame is defined as 1921, when the Soviet-Iranian treaty was concluded.

In the first part of the article, a review of relation between Russian SFSR and Persian government is given. The authors found out that until 1920 the policies of the Persian government, including in relation to the Bolsheviks, were determined by the British. During this period, South Caucasus and Persia came under the complete control of Britain. Sovietization of Azerbaijan determined the beginning of a new stage in the development of the eastern policy of Bolshevik's government. At that time the idea of exporting

revolution to the East predominated among Soviet leaders. Soviet Azerbaijan became a springboard to influence the Kuchuk Khan insurgent movement in Gilan. The signing of the treaty in 1921 had become a factor in enhancing the significance of the South Caucasus. First, the region played an important role in establishing trade exchange between Persia and Russia. Using complex archival documents the authors reconstructs process of setting up economic relations. With specific historical examples they shows how in the process of building Soviet-Persian interaction, South Caucasus became more and more involved in the sphere of Russian influence. It was determined that during the period under investigation the region played an integrative role. This circumstance is especially noteworthy when referring to an earlier historical past, when in the XIX century Caucasus was the area of Russian-Iranian confrontation.

Key words: South Caucasus, revolution of 1917, Iran/Persia, the Russian SFSR, Soviet-Iranian Treaty (1921).

Актуальность сформулированной в статье проблемы определяется геостратегическим положением Исламской Республики Иран в Западной

Азии и особенностями взаимоотношений России и Ирана на протяжении пяти веков. Имперский и советский периоды отмечены тесными политиче-

¹ Статья выполнена в рамках проекта «Большой Кавказ в контексте внешней политики России (1917–1922 гг.)», подержанного РФФИ (18-09-00444)

скими и экономическими связями Персии/Ирана с Российской Империей и СССР. Традиция таких отношений сохранилась и Российской Федерации.

Своевременность обращения к отношениям России и Ирана по вопросам Южного Кавказа связана также с тем, что Иран, наряду с Россией, Турцией и внерегиональными игроками, такими как США, на протяжении всего XX века активно участвует в выработке направлений южно-кавказской политики. В прошлом Российская империя и Персия вели противоборство за Кавказ. Сегодня Иран скорее стремится не допустить влияния США в регионе, чем противодействовать России. Более того, Тегеран стремится открыто не затрагивать интересы Кремля на Кавказе. Однако ряд аналитиков отмечают высокую степень экономической активности Ирана в регионе, что создает реальные предпосылки для соперничества Исламской республики с Россией, т.к. Кавказ остается зоной жизненных интересов Российской Федерации.

Сегодня Южный Кавказ – это три самостоятельных государства с комплексом внутренних отношений и противоречий, которые, так или иначе, сказываются на современных отношениях Ирана с тремя южно-кавказскими республиками. В частности, они осложняются двойственной позицией иранской стороны в отношении замороженных конфликтов на Южном Кавказе. В частности, Азербайджан критически относится к активным армяно-иранским отношениям, которые расцениваются азербайджанской властью как символ того, что Иран в азербайджано-армянском противостоянии принимает сторону Армении. Поэтому Тегерану приходится лавировать – в одних случаях заявлять о поддержке территориальной целостности Азербайджана, в других – о приверженности праву народов, населяющих Армению и Азербайджан, на самоопределение [21]. Все эти современные обстоятельства порождают потребность в обращении к историческим урокам, среди которых есть и вопрос о роли Южного Кавказа в российско-персидских отношениях после 1917 г., когда вокруг региона началось активное геополитическое противостояние как региональных соседей Южного Кавказа, так и внерегиональных государств.

Проблема российско-иранских отношений в предложенных хронологических рамках изучалась учеными, как в советский, так и современный периоды. Большой массив работ представлен советскими иранистами [9; 19; 20; 22]. Тема изучалась современными исследователями в том числе, в контексте исследований восточного вектора советской внешней политики первой половине XX века [15; 24]. Российская историография конца XX – начала XXI веков представлена также работами, в которых подробно освещен исторический контекст заключения в 1921 г. договора между Россией и Персией [13; 14; 28]. За исключением некоторых статей, в которых рассматриваются современные отношения России и Ирана в Закавказье [25], Южный Кавказ только упоминается в работах советских и современных иранистов. Самостоятельное же исследование

по проблеме статьи в период с 1917 по 1921 г. в рамках в российской историографии оказался вне поля внимания ученых.

Целью данной статьи стала реконструкция места и роли Южного Кавказа в системе советско-иранских отношений в период Российской революции 1917 г. Выбор хронологии объясняется тем, что революционные события в России, а затем в Иране изменили абрис восточной политики. Верхняя граница работы связана с заключением в 1921 г. советско-персидского договора, который стал началом качественно новых отношений Ирана и советской России. Кроме того, в следующем году кардинально изменилось международное положение стран Южного Кавказа, объединенных в Закавказскую Федеративную Советскую республику, которая вошла на правах союзной республики в Советский Союз.

В конце XIX – начале XX века существенно изменилась конфигурация международных отношений в Европе, что повлияло и на соотношение сил в Азии. Иран из сферы постоянного геополитического противостояния России с Великобританией превратился в объект влияния этих двух стран. В августе 1907 г. в Санкт-Петербурге российским министром иностранных дел А. П. Извольским и британским послом Артуром Николсоном было подписано Англо-русское соглашение. Согласно этому договору, район на севере Ирана, который граничил с Азербайджаном и Туркестаном, оказывался в сфере влияния России, на юге – в сфере влияния Великобритании, а центр страны был определен как нейтральная зона. В условиях Первой мировой войны этот договор позволил ввести на территорию Ирана английские и российские войска для заслона от германо-турецкой агрессии.

Большевики после прихода к власти денонсировали этот договор в надежде на то, что в противовес английской экспансионистской политике такой шаг может расположить к себе иранские власти. Громадный резонанс на Востоке, включая Иран, имели такие документы советской власти, как «Декларация прав народов России», обращение СНК «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Для иранского правительства особенно важным было обращение советского правительства «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», в котором звучало обещание уничтожить договор с Англией 1907 г.: «Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы» [17, с. 34–35]. Это решение соответствовало ожиданиям иранской общественности, поэтому в ответ персидская сторона в декабре 1917 г. выразила готовность к началу нового переговорного процесса с последующим заключением соглашений, в том числе консульских конвенций [17, с. 91–93]. К марту 1918 г. из Ирана были выведены все русские войска.

Денонсация российско-английского договора 1907 г., делившего страну на сферы влияния, казалось, должна была усилить позиции большевиков. Однако, признав РСФСР, Тегеран одновременно оставил прежнего царского представителя Н. С. фон Эттера, хотя НКВД сообщил о его смещении и направлении нового агента. Председатель Бакинского Совнаркома С. Г. Шаумян, и одновременно «комиссар внешних дел», по поручению СНК и с согласия В. И. Ленина в июле 1918 г. направил в Иран советскую дипломатическую миссию во главе с большевиком И. О. Коломийцевым, который был знаком с Персией еще в годы Первой мировой войны. Миссия финансировалась Бакинским Совнаркомом. Однако новое пробританское правительство страны не признавало советскую миссию.

Тем не менее, большевистское руководство продолжало добиваться улучшения отношений с Персией. Об этом свидетельствуют ноты Советской республики 1918 и 1919 г. Так, 29 января 1918 г. СНК РСФСР сделал Персидскому посланнику в Петрограде заявление «об аннулировании всех соглашений, направленных против независимости Персии». Эта нота была направлена против слухов и сомнений иранской общественности, связанных с поведением солдат русского корпуса, пока не выведенного из страны и усиленных английской разведкой относительно ликвидации договора 1907 г. В ноте подтверждалась денонсация англо-русского договора. Советская сторона брала на себя обязательства бороться с «агентами царизма» на территории Ирана. Признавались законными только такие отношения Персией, которые «которые основаны на свободном соглашении и на взаимном уважении народов». На следующий день персидский Посланник от имени своего правительства выразил признательность РСФСР за решение вывести русские войска с территории Персии и готовность вести всякого рода переговоры [16]. Советские инициативы по Персии были подтверждены нотой от 26 июня 1919 г. Более того, все коммуникации российских предпринимателей на территории Ирана передавались персидскому народу [13, с. 46].

В январе 1918 г. в Тегеран прибыл российский дипломат Н. З. Бравин, имевший опыт дипломатической службы в Персии в 1905 и в период Первой мировой войны. После октября 1917 г. он перешел на службу советской власти. Персидское правительство приняло Н. З. Бравина как частное лицо, не прерывая отношений с царской миссией. В июне так и непризнанный Н. З. Бравин был отозван уже в июне в Москву, а Н. С. Эттер был переведен в Португалию и уволен с советской дипломатической службы по приказу Л. Д. Троцкого. Двойственность иранской политики была основана, с одной стороны, на понимании нестабильности советской республики и ожидании ее скорейшего распада, с другой стороны, на заинтересованности налаживания контактов с РСФСР, выразившей намерение проводить политику равновесия в отношении Ирана.

В одной из докладных записок в Наркомат иностранных дел Н. З. Бравин обращал внимание на сопредельность Кавказа и Туркестана Персии и просил учредить при нем, как дипломатическом агенте, две должности комиссаров-представителей названных территорий: «С их помощью я всегда мог бы регулировать свои шаги, выступления и работы в полном соответствии с интересами и запросами этих областей» [7, л. 2]. Действительно, в налаживании советско-иранских отношений большую роль сыграла Туркестанская АССР. Летом 1918 г. ЦИК ТАССР уполномочил Н. З. Бравина быть также представителем Советского Туркестана в Иране. Тогда же НКВД ТАССР обменялся с Н. З. Бравиным телеграммами о возможности назначения иранских консульских представителей в города Туркестана и Бухары. В свою очередь, председатель Кокандского Совета Е. А. Бабушкин стал в сентябре 1918 г. консулом ТАССР в Мешхеде. Руководители Туркестана предложили послать в Иран их представителя в качестве заместителя полномочного представителя РСФСР, на что Г. В. Чичерин в обращении к В. И. Ленину изложил плансылки Туркестанской миссии по согласованию с ее руководителями и чрезвычайным комиссаром Советского правительства в Туркестане П. А. Кобозевым [29, с. 18]. Однако к лету 1918 г. Иран полностью заняли англичане, потеснив турецкие вооруженные силы [15, с. 43].

В это время Н. З. Бравина сменил уроженец Ставропольской губернии, бывший прапорщик И. О. Коломийцев. Он долгое время пребывал в составе русских войск в Персии и хорошо владел персидским языком. Примечателен тот факт, что его назначили по рекомендации С. Шаумяна, который и подписал И. О. Коломийцеву верительные грамоты. Однако вскоре Бакинская коммуна пала, и Восуг од-Доуле, возглавивший в августе 1918 г. персидское правительство, был сторонником английского присутствия, а поэтому не признал данные документы [13, с. 45–46]. В своем донесении, адресованном Г. В. Чичерину, И. О. Коломийцев писал: «За все эти три месяца, я не получил от Российского правительства ни единой строчки. Посланный мной курьер Кашкаров был задержан в Энзели и о судьбе его мне ничего неизвестно. Персидское правительство <...> отказалось принять нас, придравшись к тому, что выданные грамоты мне и моему товарищу Иосифу Караханяну, подписанный Шаумяном, о судьбе которого персидское правительство «ничего не знает». А также ссылаясь на отсутствие подтверждения на мое назначение от центрального правительства, или хотя бы от персидского посланника в Москве Асхат-Хана» [6, л. 2].

В то же время в течение весны 1918 г. англичане постепенно заняли территорию Персии под предлогом борьбы с турками, достигли Гиляна, располагающегося на юго-западе Каспия. Советская сторона, в том числе её представитель И. О. Коломийцев, расценивала это движение как планомерное перемещение в сторону Баку и нефтеносных районов, с последующим занятием Елизаветополя и Тифлиса. В конечном итоге,

миссия Коломийцева закончилась трагично – во время второй попытки учредить советскую дипломатическую миссию в Иране летом 1919 г. он был расстрелян белогвардейцами.

Таким образом, Великобритания планировала блокировать продвижение большевиков на Восток [3, л. 1–1 об.]. С ноября 1918 г. англичане стали продвигаться на Южный Кавказ, а вскоре в 1919 г. был подписан англо-иранский договор, по которому британские представители получили полный карт-бланш в персидской политике. Таким образом, опасения И. О. Коломийцева оправдались. В государственном аппарате и армии Ирана обосновались английские советники и офицеры, не только ограничивающие государственный суверенитет, но и влиявшие на проводимую правительством политику.

Английские части, оккупировав Иран, использовали его территорию как плацдарм для борьбы с большевиками. Отсюда был направлен корпус Денстервиля на Баку в 1918 г. и генерала отряд Молесона в Туркмению. Из Ирана шло английское снабжение для армии Колчака. Английское господство в Иране для однозначно создавало угрозу военной экспансии на Южный Кавказ и создавало режим благоприятствования для расширения британской сферы влияния на Востоке. С другой стороны, в свете ослабления России Гражданской войной и ее фактического ухода с национального окраина, и у других государств появлялась возможность заполнить образовавшийся вакуум. К примеру, в Иране стали возникать идеи возврата некогда утраченных территорий.

Иранское правительство при поддержке английских советников планировало присоединение приграничных с Россией территорий. В Тегеране был разработан меморандум для Парижской конференции, одним из пунктов которого стали территориальные претензии, в том числе в отношении Южного Кавказа. Требование было невыполнимым, так как в этом время там существовали правительства, провозгласившие независимость: Азербайджан, Армения и Грузия. Видимо, поэтому министр иностранных дел Великобритании лорд Дж. Н. Керзон возражал против такой постановки вопроса. В итоге к работе конференции иранскую делегацию не допустили [10, с. 106]. Тем не менее, существовавший в Иране режим и его зависимость от Англии не устраивали советское правительство.

Что касается Кавказа, то с распадом Российской империи в регионе возобладали центробежные силы, стали возникать и воплощаться в жизнь, как уже говорилось выше, проекты независимых национальных государств. В мае 1918 г. о создании собственных республик заявили Азербайджан, Армения и Грузия. Однако к 1920 г. большевики фактически одержали победу в гражданской войне, и весь период 1920–1921 гг. был связан с возвращением Южного Кавказа под контроль большевиков через установление здесь советской власти. Это обстоятельство не могло не повлиять на советско-иранские отношения, для которых начался второй этап, связанный как

с советизацией закавказских республик, так и с распространением большевистского влияния на Персию. В апреле 1920 г. при военной поддержке IX армии в граничившем с Персией Азербайджане была провозглашена советская власть. Советизация Азербайджана не только укрепляла внутренние позиции советской республики, расширяя границы влияния на Кавказе, но и создавала плацдарм для распространения влияния на Персию, т.е. упрочила международные позиции большевиков. Более того, это было составной частью большевистского плана мировой революции, в котором была и идея экспорта революции на Восток.

Азербайджан во внешней политике советского правительства связывал Иран и Турцию, таким образом, формируя геополитическое пространство, подконтрольное большевикам. НКВД РСФСР, СНК и Кавказское бюро делали ставку на нарастающее повстанческое движение в пределах персидских провинций, которое они планировали использовать в своих интересах и восстановить утраченные позиции России, вытеснив англичан. Восстание на территории прикаспийской Гилянской провинции Персии переросло в провозглашение Иранской советской республики, существовавшей в 1920–1921 гг. Однако свои реальные возможности даже Кавбюро оценивало скептически. Согласно оценке историка А. В. Квашонкина, безнадежность планов по советизации Персии осознавал сам Г. К. Орджоникидзе, в том числе из-за отсутствия военных сил у вождя повстанцев Кучук-Хана. Именно поэтому большевистское правительство не стало отправлять туда части Красной армии. В телеграмме, адресованной Ф. Ф. Раскольникову, Л. Д. Троцкий подчеркивал необходимость содействия Кучук-Хану и всему освободительному движению Персии, но, ни в коем случае, не под русским флагом [12, с. 129].

Большевистский флот во главе с Ф. Раскольниковым 18 мая 1920 г. появился у Энзели и предпринял попытку захватить интернированные денкикинские суда. Персидское правительство расценило такие действия как попытку захвата иранского порта [18, с. 557–559] и выразило протест, на который Г. В. Чичерин ответил отрицанием связи инцидента с политикой советского правительства. Официальное заявление наркома не соответствовало действительности. 26 мая 1920 г. на заседании Политбюро ЦК было принято решение об одобрении инициативы НКВД РСФСР по поддержке национально-освободительного движения народов Востока, в том числе джегелейского, возглавляемого Кучук-ханом в Персии. Командующему Каспийской флотилией Ф. Раскольникову поручалось обеспечить материальную и организационную поддержку Кучук-хану, передать ему Энзели, аргументировав данный акт распоряжением советского правительства не вмешиваться во внутренние дела в Персии. Однако, под видом полицейской службы оставить часть судов под Азербайджанским флагом для содействия Кучук-хану [26, л. 1], что снимало ответственность с РСФСР и перекладывало

на пока еще официально независимый советский Азербайджан.

Взятие Энзели для англичан стало полной неожиданностью. После переворота в Баку они решили, что большевики не посмеют двигаться в Персию, поэтому порт фактически не оборонялся, на берегу не было организовано никаких постов [8, л. 22]. Поддержка повстанцев Кучук-Хана в Гиляне Советами возмущало иранские власти, о чем писал наркому иностранных дел Азербайджана Персидский Генеральный Консул на Кавказе [8, л. 39]. В ноябре 1920 г. нота представителя персидского министерства иностранных дел Рахимазд Довле была уже адресована напрямую Г.В. Чичерину. Выдерживая ровный и доброжелательный тон послания, иранская сторона просила российское правительство «побудить Азербайджанскую республику воздержаться от каких бы то ни было агрессивных действий против Персии» [4, л. 7].

Усиление позиций большевиков на Южном Кавказе изменило планы в отношении шахской Персии. М. Д. Гусейнов, пребывая в Тифлисе, встречался с чрезвычайным послом и генеральным консулом Персии. В своем донесении он сообщил Г. В. Чичерину об инициативе шахского правительства послать в Азербайджан чрезвычайного представителя. Идя на переговоры и давая согласие, М. Д. Гусейнов выражал опасение, что через Персию на Кавказ, главным образом в Баку, вновь вернутся англичане: «Мне кажется, что нам нужно будет во что бы то ни стало усилить свое положение в Персии и обеспечить свое господство там...» [5, л. 33].

Благоприятная для большевиков ситуация усиливалась тем обстоятельством, что в персидском Азербайджане с центром в Тавризе набирали силу антианглийские и антишахские настроения. Представители демократической партии во главе с Мохаммедом Хиабани 13 мая 1920 г. в Тавризе провозгласили независимость персидского Азербайджана и полностью прервали связь с Тегераном. Иранские правительственные войска не стали вмешиваться и объявили нейтралитет. М. Д. Гусейнов был воодушевлен этими событиями и призывал Москву использовать ситуацию для установления влияния в Персии [5, л. 33–34]. События в Азербайджане не помешали персидскому правительству признать советскую республику. Руководство Персии осознавало условность независимости только что советизированной республики, и свои заверения и пожелания я адресовала напрямую правительству РСФСР. Для урегулирования отношений с советской Россией из Тегерана выдвинулись две миссии: одна направлялась в Баку, другая – в Москву.

Тегеран начал налаживать отношения и с другими странами Южного Кавказа: Арменией и Грузией. В январе 1920 г. в Тегеран был направлен полномочный представитель Армении Овсеп Аргутян. Однако в контексте советизации Армении осенью 1920 г. процесс выстраивания самостоятельных армяно-иранских отношений был прерван. Ряд современных исследователей считают,

что, несмотря на кратковременность сотрудничества в тот сложный период, нынешнее сотрудничество Армении и Ирана было возрождением традиций в ирано-армянских отношениях, которые зародились в 1920 г. [22, с. 55].

Третий этап советско-иранских отношений начался в 1921 г. В результате государственного переворота в Иране к власти пришли Сеид Зияэд-Дин и Реза-хан. Новое руководство страны аннулировало договор с Англией, заключенный в 1919 г. В Москве 26 февраля 1921 г. был подписан советско-иранский договор. Документ был подписан со стороны РСФСР Г. В. Чичериным и Л. М. Караханом, а со стороны Ирана – его послом в России Мошавероль-Мемалеком (Али Голи-хан Ансари). Его действие началось в день подписания, и было шагом к установлению дипломатических отношений между РСФСР и Ираном. Основы этого документа были выработаны в РСФСР еще в декабре 1920 г. В 26 статьях договора наряду с целой системой мер по развитию советско-персидских отношений, таких как упразднение прав России на все концессии, концессионные сооружения, шоссейные дороги, затрагивались и интересы Южного Кавказа, т.к. железнодорожные линии Джульфа – Тавриз, соединяющие советский Азербайджан с персидскими провинциями также переходили в пользование Ирана [2, л. 34].

Подписание договора усилило значение Южного Кавказа в советско-персидских отношениях. Речь идет о проблеме транзита товаров из РСФСР в Иран и обратно, который мог осуществляться по железным дорогам Батум-Баку и Батум-Джульфа. Кроме того, основной предмет советского экспорта, в том числе в Иран – керосин – находился в Баку [27, л. 21 об]. Роль транзита через закавказские республики усиливалась в связи с бедностью экспорта из РСФСР. Поэтому товарообмен мог быть налажен только посредством привлечения товаров из европейских рынков. Более того, согласно 20-й статье договора обе стороны обеспечивали себе транзит товаров в третьи страны. Россия могла поставлять на Ближний Восток стекло (оконное, ламповое, посуда), цемент, железо, старую резину. Экспортировались также некоторые предметы роскоши: каракуль, шелк. Главными товарами персидского импорта в Россию и другие европейские страны были рис, кишмиш, листовый табак, шелковичное волокно, касторовое масло и семя. Важным объектом импорта были медь, в том числе металллом, олово, краска для мыловарения, каустическая сода, кожи, шерсть, ковры, фрукты [27, л. 6 об.].

Советизированные закавказские республики были важным элементом в развитии экономических связей РСФСР и Персии. Так, 14 статья договора 1921 г. предусматривала урегулирование условий рыбных промыслов на Каспии, что затрагивало интересы не только Туркестана, но и Азербайджана. Кроме того, в составе советской дипломатической миссии Ф. А. Ротштейна в Иран прибыл представитель Наркомата внешней торговли В. П. Бельгов. Глава миссии, в докладе Г. В. Чичерину, с возмущением писал о препят-

ствиях, которые чинят Бельгову «всякие Кедровы¹», которые завозят на иранский рынок бакинскую нефть и продают ее по цене намного ниже рыночной. Очевидно, что Южный Кавказ занимал не последнее место в разработке экономических мер сотрудничества России и Ирана. Вот почему в 20 статье договора говорилось о необходимости скорейшего заключения торговой конвенции, т.к. она определила бы четкие правила торговли с Персией. Дело в том, что Азербайджанское внешнеторговое ведомство (Азвнешторг), азербайджанское и закавказское областное отделение внешторга РСФСР, Центросоюз, представительства Грузии и Армении вели торговые дела с правительством Персии в своих интересах, обходя внешнеэкономические интересы РСФСР. Все эти параллельно действовавшие структуры конкурируя друг с другом без соблюдения каких-либо правил, превращали товарообмен в вакханалию [1, л. 73–73 об.]. Надо отметить, что безусловно, правительство возлагало большие надежды на Баку в налаживании товарообмена с Персией. В этой связи Бакинскому нефтяному комитету предоставлялась максимальная свобода в обмене нефтепродуктов на продовольствие, предметы оборудования и одежду для рабочих.

Налаженный товарообмен с Персией был необходим не только РСФСР. Весь Южный Кавказ остро нуждался в продовольствии. Деятельность всех вышеописанных торговых структур мешала В. П. Бельгову отстаивать торговые интересы России и союзных кавказских республик. При этом следует учитывать несколько специфических черт социально-политической и экономической обстановки в начале 1920 гг. Во-первых, торговля между Россией и Персией носила продовольственно-заготовительный характер. Во-вторых, это было время перехода советской республики к НЭПу. В-третьих, отдельные персидские районы не взаимодействовали с РСФСР ни экономически, ни политически и больше тяготели к азиатским и кавказским советским республикам. В частности, персидский Азербайджан ориентировался на Армению и Грузию, а прикаспийские провинции Персии сотрудничали с советским Азербайджаном и РСФСР [27, л. 21]. Тегеран никак не координировал эти контакты, поэтому о единстве торгово-экономической политики иранских властей говорить не приходится.

РСФСР стремилась монополизировать все внешнеторговые операции Грузии, Азербайджана и Армении, которые последние вели на конкурентной основе. С этой целью внешнеторговые наркоматы всех трех республик был объединен в «Союз Грузии, Азербайджана и Армении для внешней торговли» (Облвнешторг) [11]. Главной задачей в персидском Азербайджане была заготовка хлеба для армии и населения. После решения продовольственной проблемы намечалось закрепление там Центросоюза², как постоянной торгово-эко-

номической советской организации. Она должна была быть единственной структурой, которая налаживала импортную и экспортную торговлю на северо-западе Персии. От Центросоюза и Облвнешторга в персидский Азербайджан и северо-запад Персии были командированы С. Баландини А. Г. и Салибекян соответственно. А. Г. Салибекяну удалось заключить временное торговое соглашение с Тавризмским генерал-губернатором о свободной торговле советских республик с персидским Азербайджаном. Этот договор курировал Ф. А. Ротштейн, который контролировал заключение этого договора, что свидетельствует о подчинении внешнеэкономической деятельности трех кавказских республик воле РСФСР [27, л. 8 об.].

Создание зонтичной организации, объединявшей РСФСР и три закавказские республики в виде Облвнешторга было направлено, в том числе, на решение проблемы снабжения населения и армии продовольствием. Предполагалось, что это будет единственная структура, действующая на территории персидского Азербайджана, и таким образом, удастся избежать параллелизма в торговой политике со стороны кавказских советских республик. Таким образом и проблема снабжения будет решаться централизованно, а значит эффективно. Однако ожидания и реальная практика не совпадали. Уже в мае 1921 г. выяснилось, что Армянский ревком тоже командировал в Тавриз своего представителя, некоего Погосова, который выехал вместе с персидским консулом в Эривани. Целью поездки была закупка хлеба, однако, через два месяца, в июле 1921 г., никаких отчетов о закупках не поступило. При выяснении обстоятельств А. Г. Салибекяном в самом Тавризе оказалось, что Погосов никаких сделок не заключил [27, л. 7–8]. Армянский ревком пытался решить проблему продовольственного кризиса самостоятельно. При наличии общей организации и договоренностей о совместных действиях, он направлял отдельно своих представителей. По этому поводу категоричное недовольство выражал С. Баландин, который просил Г. К. Орджоникидзе отозвать армянских представителей из персидского Азербайджана, а товарные фонды и валюту передать организации Центросоюза [27, л. 10 об.].

Таким образом, на основании архивных материалов и опубликованных источников удалось проследить место республик Южного Кавказа в эволюции российско-иранских отношений в период возникновения и развития советской государственности. Анализ источников и обобщение данных периода 1917–1921 гг. позволяет говорить о росте интегрирующей и снижении барьерной роли Южного Кавказа в отношениях РСФСР и Ирана. Через регион шла поддержка революционных настроений и действий на персидских окраинах, как реализация большевиками идеи мировой революции. Кавказские республики принимали активное участие в установлении советско-иранских торгово-экономических отношений. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что еще до образования СССР советизирован-

¹ М. С. Кедров – председатель Комитета содействия Нефтяной Промышленности.

² Всероссийский центральный союз потребительских обществ.

ные республики фактически рассматривались как часть общесоветского экономического простран-

ства. Вступая с Ираном во взаимодействие, они шли в фарватере Москвы.

Источники и литература

1. Архив внешней политики РФ (далее – АВП РФ). Архив Красина. Оп.1. Папка 7. Д.47.
2. АВП РФ. Р168. Миссия М.М. Литвинова в Копенгагене. Оп.1. Папка 1. Д.3.
3. АВП РФ. Секретариат Чичерина. Оп. 18. Папка 109. Д. 50640.
4. АВП РФ. Секретариат Чичерина. Оп. 18. Папка 109. Д.50645.
5. АВП РФ. Секретариат Чичерина. Оп. 51. Папка 321 а. Д. 54862.
6. АВП РФ. Секретариат Чичерина. Оп.18. Папка 109. Д. 50638.
7. АВП РФ. Ф.496. Оп.1. Папка 29. Д.464.
8. АВП РФ. Фонд Чичерина. Оп. 18. Папка 109. Д. 50644.
9. Агаев С. Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости 1925–1941 гг. М.: Наука, 1971. 360 с.
10. Алиев С.М. История Ирана. М.: Ин-т востоковедения РАН: Крафт, 2004. 644 с.
11. Багирова И. Интеграционные процессы на Южном Кавказе и политика великих держав в исторической ретроспективе XX в. URL: https://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-1/11.shtml (Дата обращения: 21.09.2018).
12. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927 / сост. А. В. Квашонкин, О. В. Хлевнюк, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая. М.: РОССПЭН, 1996. 423 с.
13. Вартаньян Э. Г. Первые шаги в формировании советско-персидских отношений (1917–1921 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. №1/1. С. 45-49
14. Васильева О. А. Советско-иранский договор 1921 г. // Научные ведомости БелГУ. Серия: Философия. Социология. Право. 2014. №.16. Вып. 29. С.113-118.
15. Володарский М. Советы и их южные соседи Иран и Афганистан (1917–1933). Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 243 с.
16. Гафурова Б. Г., Зубока Л. И. Хрестоматия по новейшей истории в трёх томах. Т.1. (1917–1939. Документы и материалы). М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 928 с.
17. Документы внешней политики СССР. Т.1. (7 ноября 1917 – 31 декабря 1918 г.). М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. 773 с.
18. Документы внешней политики СССР. Т.2. М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. 804 с.
19. Иванов М. С. Иран в 60–70-х годах XX века. М.: Наука, 1977. 270 с.
20. Иванова М. Н. Иран во время первой мировой войны // Иран: История и культура в средние века и новое время. М.: Наука, 1980. С. 94-142.
21. Иран и Карабахский конфликт / Иран и Южный Кавказ URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/31921> (Дата обращения: 21.09.2018).
22. Маннанов Б. С. Из истории русско-иранских отношений в конце XIX – начале XX вв. Ташкент: Наука, 1964. 156 с.
23. Месамед В. И. Иран и немусульманские страны Южного Кавказа (Армения и Грузия). М.: Институт Ближнего Востока, 2015. 254 с.
24. Мохтари М. Т. Отношения России и Ирана (1921–1946): дисс. ... канд. ист. наук. М., 1997. 210 с.
25. Раванди-Фадаи Л. М. Некоторые аспекты политики России и Ирана в Закавказье (тезисы к докладу) // Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. С. 186-188.
26. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.3. Д.83. Л. 1
27. РГАСПИ. Ф.85. Оп. С (Персия). Д.95.
28. Российско-иранские отношения. Проблемы и перспективы / под ред. Е. В. Дунаевой, В. И. Сажина. М.: ИВ РАН, 2015. 260 с.
29. Хейфец А. Н. Советские республики и народы Востока (1918–1922) // Вопросы истории. 1972. №11. С.18-32.

References

1. Archive of foreign policy RF (AVP RF). Krasin's archive. Inv.1. Folder 7. D.47. (In Russian).
2. AVP RF. R168. M.Litvinov' Mission in Copenhagen. Inv.1. Folder 1. D.3. (In Russian).
3. AVP RF. Chicherin' Secretariat. Inv. 18. Folder 109. D. 50640. (In Russian).
4. AVP RF. Chicherin' Secretariat. Inv. 18. Folder 109. D.50645. (In Russian).
5. AVP RF. Chicherin' Secretariat. Inv. 51. Folder 321 a. D. 54862. (In Russian).
6. AVP RF. Chicherin' Secretariat. Inv. 18. Folder 109. D. 50638. (In Russian).
7. AVP RF. F.496. Inv.1. Folder 29. D.464. (In Russian).
8. AVP RF. Chicherin' fund. Inv. 18. Folder 109. D. 50644. (In Russian).
9. Agaev S. L. Iran: vneshnyaya politika i problemy nezavisimosti 1925–1941 gg. (*Iran: Foreign Policy and the Problem of Independence*). Moscow: Nauka, 1971. 360 p. (In Russian).
10. Aliev S. M. Istoriya Irana (*Iran History*). Moscow: Institute East studies of RAS publ.: Kraft, 2004. 644 p. (In Russian).
11. Bagirova I. Integracionnye processy na YUzhnom Kavkaze i politika velikih derzhav v istoricheskoy retrospektive XX v. (*Process of Integration in South Caucasus and Policy of Superpowers Through History*). URL: https://www.ca-c.org/c-g/2007/journal_rus/c-g-1/11.shtml (Accessed: 21.09.2018).
12. Bol'shevistskoe rukovodstvo. Perepiska. 1912–1927 (*Bolshevik's Governance. Correspondence. 1912–1927*) / contributors: A. V. Kvashonkin, O. V. Hlevnyuk, L. P. Kosheleva, L. A. Rogovaya. Moscow: ROSSPEHN, 1996. 423 p. (In Russian).

13. Vartan'yan Eh. G. Pervye shagi v formirovanii sovetsko-persidskikh otnoshenij (1917–1921 gg.) (*The First Steps for Formation of Soviet – Persian relations (1917–1921)*) // Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'. 2017. Vol. 9. No. 1/1. P. 45–49. (In Russian).
14. Vasil'eva O. A. Sovetsko-iranskij dogovor 1921 g. (Soviet – Iran Treaty of 1921) // Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo. 2014. No.16. Issue. 29. P. 113–118. (In Russian).
15. Volodarskij M. Sovety i ih yuzhnye sosedi Iran i Afganistan (1917–1933) (*Soviets and Their South Neighbors Iran and Afghanistan*). London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1985. 243p. (In Russian).
16. Gafurova B. G., Zuboka L. I. Hrestomatiya po Novejshej istorii. (*Readings in Contemporary History*). Vol.1. (1917–1939. Dokumenty i materialy) (*Documents and materials*). Moscow: Izdatel'stvo social'no-ehkonomicheskoy literatury, 1960. 928 p. (In Russian).
17. Dokumenty vneshnej politiki SSSR (*Documents of Foreign Policy of USSR*). Vol.1. (November 7 1917 – December 31 1918). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1959. 773 p. (In Russian).
18. Dokumenty vneshnej politiki SSSR (*Documents of Foreign Policy of USSR*). Vol.2. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1958. 804 p. (In Russian).
19. Ivanov M. S. Iran v 60–70-h godah XX veka (*Iran in 60–70s of XX century*). Moscow: Nauka, 1977. 270 p. (In Russian).
20. Ivanova M. N. Iran vo vremya pervoj mirovoj vojny (*Iran During the First World War*) // Iran: Istoriya i kul'tura v srednie veka i novoe vremya. Moscow: Nauka, 1980. P. 94–142. (In Russian).
21. Iran i Karabahskij konflikt (*Iran and Karabagh Conflict*) // Iran i YUzhnyj Kavkaz URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/83781/posts/31921> (Accessed: 21.09.2018). (In Russian).
22. Mannanov B. S. Iz istorii rusko-iranskikh otnoshenij v konce XIX – nachale XX vv. (*From the History of Russian-Iranian Relations in the Late XIX and Early XX Centuries*). Tashkent: Nauka, 1964. 156 p. (In Russian).
23. Mesamed V. I. Iran i nemusul'manskije strany YUzhnogo Kavkaza (*Armeniya i Gruzija*) (*Iran and Non-Muslim Countries of South Caucasus (Armenia and Georgia)*). Moscow: Institute of the Middle East, 2015. 254 p. (In Russian).
24. Mohtari M. T. Otnosheniya Rossii i Irana (1921–1946) (*Relations of Russia and Iran (1921–1946)*): thesis. Moscow, 1997. 210 p. (In Russian).
25. Ravandi-Fadai L. M. Nekotorye aspekty politiki Rossii i Irana v Zakavkaz'e (*Some Aspects of Russian and Iranian Policy in Transcaucasia*) // Rossijsko-iranskije otnosheniya. Problemy i perspektivy / ed by E. V. Dunaeva, V. I. Sazhin. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS publ., 2015. P.186 – 188. (In Russian).
26. Russian state archive of social and politic history (RGASPI). F.17. Inv.3. D.83. (In Russian).
27. RGASPI. F.85. Inv. S(Persiya). D.95. (In Russian).
28. Rossijsko-iranskije otnosheniya. Problemy i perspektivy (*Russian – Iranian relations. Problems and Perspectives*) / ed by E. V. Dunaeva, V. I. Sazhin. Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS publ., 2015. 260 p. (In Russian).
29. Hejfec A. N. Sovetskie respubliky i narody Vostoka (1918–1922) (*Soviet Republic and the East People (1918–1922)*) // Voprosy istorii. 1972. No.11. P. 18–32. (In Russian).